

УДК 130.2

БЕРДЯЕВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБЪЕКТИВАЦИИ С ПОЗИЦИЙ КОРРЕЛЯТИВНОЙ ОНТОЛОГИИ

В.Н. САГАТОВСКИЙ*Белгородский
государственный
институт искусств и
культуры**e-mail: sagat@mail.ru*

В центре современной философии находится проблема человека. Но это не отменяет проблемы соотношения субъективности и интерсубъективности с объективной реальностью. Отрыв и противопоставление их друг другу контрпродуктивны. В статье рассматривается один из вариантов такого противопоставления, не потерявший значения и в наше время, в философии Н.А. Бердяева, а также намечается подход к преодолению такого взгляда с позиций разработанной автором неметафизической коррелятивной онтологии.

Ключевые слова: объективация, творчество, свобода, конкретность существования, объективная, субъективная и трансцендентная реальность.

Неклассическая метафизика XX столетия, в отличие от метафизики классической, видевшей основу бытия в чем-то устойчивом и общем, в некоей сущности, ставит во главу угла процесс и индивидуальность (существование как экзистенцию). Человек, а не внечеловеческая объективная реальность, находится в центре современной философии. Но как бы в рамках философской теории мы не отказывались от «естественной установки» и не «выносили за скобки» надоевшую объективную реальность, в реальной жизни она не оставляет нас в покое. Если философия не есть один из способов ухода в виртуальную реальность, но стремится осознать жизнь в её полноте, она не может уйти от проблемы статуса объективной реальности, её места в реальности в целом.

Указанные характеристики современной философии ярко проявились в творчестве Н.А. Бердяева, в его противопоставлении падшего мира объективации и подлинной реальности свободы. Анализируя его концепцию объективации, я хочу показать возможности разрабатываемой мной *неметафизической коррелятивной онтологии* в решении проблемы объективной реальности, противоречия между её принудительностью и творческой свободой, проблемы совместимости миров «природы» и «свободы» (Бердяев очень любил эту кантовскую формулировку).

Подводя итоги своей деятельности, философ писал: «Своеобразие моего философского типа, прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу»¹. Раскрытие смысла представлений о бытии и свободе и обоснование их противоположности прошло через всю творческую деятельность мыслителя. Основные положения этой концепции получают постепенно все более выпуклое выражение (на понятийную точность Бердяев не претендует принципиально), как по отдельности, так и в связи друг с другом. Но общий смысл их, начиная с десятых и кончая сороковыми годами XX века, присутствует в таких работах как «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества» (1916), «Я и мир объектов» (1934), «Философия свободного духа» (1938), «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики» (1939) и находят итоговое выражение в «Самопознании» (1939-1946). Дадим тезисное изложение основных моментов бердяевской концепции.

1. Бердяев – религиозный философ, он не сомневается в существовании Бога и в сотворении им мира. Но глубже Бога – ничто абсолютной свободы, в которой есть возможности и добра, и зла. Бог и предмирная свобода живут в царстве духа, основным проявлением которого является творчество, как акт, совершаемый вне времени и вне детерминации её общими закономерностями, носящий неповторимо-индивидуальный характер.

2. Свободному творчеству противостоит бытие мира природы и общества, где господствуют необходимость и общее, неподвижность и закостенелость. Мир такого бытия и есть мир объективации. Как возникло это «падшее» бытие? Ответ дается двоякий. Фун-

¹ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. – С. 91.

даментальная причина – это событие грехопадения, которое «предмирно, оно совершилось до времени и породило наше дурное время»². Здесь напрашиваются аналогии с гностицизмом: мир как проявление зла. С другой стороны человек, забывая о своей творческой природе, усиливает объективацию, которая «есть не только порождение известной направленности воли, она есть также порождение неутомимого хотения в объективированном мире»³. В результате «Человек познает как извне данную ему реальность то, что порождено им самим, поработченностью субъекта»⁴ И «Объективированное бытие не есть уже бытие, оно препарировано субъектом для целей познания»⁵. Падшее бытие – что-то вроде хайдеггеровского сущего, только фундированного ещё и предмирным злом.

3. Бердяев постоянно подчеркивает свое неприятие падшего объективированного мира, свою чуждость этому миру. «Стараясь психологически понять источники моего апофеоза творчества, – пишет о себе философ, – я замечаю связь моего исключительного отношения к творчеству с моим пессимистическим отношением к мировой данности, к тому, что называют «действительностью». Чтобы жить достойно и не быть приниженным и раздавленным мировой необходимостью, социальной обыденностью, необходимо в творческом подъеме выйти из имманентного круга действительности»,... любовь к творчеству есть нелюбовь к «миру», невозможность остаться в границах этого «мира»⁶. Это относится и к занятиям философией: «Я стал философом, пленился «теорией», чтобы отрешиться от невыразимой тоски обыденной «жизни»»⁷.

4. Бердяев – убежденный антропоцентрист. Подлинная суть человека в творчестве, и не только человек нуждается в Боге, но и Бог нуждается в продолжении его творчества человеком. Но что представляет собой человеческое творчество? Здесь не должно быть иллюзий, отождествления бердяевского понимания творчества с созданием нового в *этом* («падшем») мире: «Повторяю, что под творчеством я все время понимаю не создание культурных продуктов, а потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни...»⁸. «Творческий акт происходит вне времени. Во времени лишь продукты творчества, его объективация. Продукты творчества не могут удовлетворить творца. Но пережитый творческий подъем, экстаз... переходит в вечность»⁹. Стало быть, ценность человеческого творчества не в совершенствовании мира, но в уходе от него: в сам экстатический акт, в мгновении которого открывается вневременное слияние с Богом.

5. Не должны также порождать иллюзий постоянные упоминания Бердяевым «иного мира», «нового неба и новой земли», к которым нас приближает человеческое творчество. По сути дела это совершенно апофатические понятия, лишённые каких-либо конкретных положительных признаков. Антитезой объективированному миру выступают только вечность бытия Бога и переживание соприкосновения с этой вечностью. Но переход в такую иную форму бытия означает конец этого мира: «Два выхода открываются в вечность: индивидуальный выход через мгновение и исторический выход через конец истории мира»¹⁰. Но, тут же добавляет автор, «Достигнутая в мгновении вечность остаётся навеки,... но мы сами выпадаем из мгновения вечности и вновь вступаем во время»¹⁰. Следовательно, пока все человечество не расстанется с объективной реальностью, мы вынуждены терпеть её, лишь в мгновениях экстаза находя спасение.

6. Мне кажется, что такая философия находит последовательное завершение либо в восьмеричном пути йоги, либо в скепсисе игровой позиции (ни к чему не относиться серьезно, вроде «Апофеоза беспочвенности» Л.Шестова). Сам же Бердяев был противо-

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа / Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М., – 1995. – С.279.

³ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека / Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М., – 1995. – С.46.

⁴ Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Дух и реальность: основы богочеловеческой реальности. М., – 2007. – С. 5.

⁵ Бердяев Н.А. Самопознание. М.,- 1991. – С. 219.

⁶ Там же. – С. 42.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С.222.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

речив. И, хотя он считал противоречие нормальным явлением в любой мысли, мы не сможем перейти к полемике с его позицией, не выявив основное его противоречие. Оно, на наш взгляд, заключается в том, что он с одной стороны не приемлет этот мир, а с другой движим состраданием к конкретным людям в конкретных ситуациях этого же грешного мира. И потому занят и таким творчеством, которое дает конкретные культурные результаты: пишет книги, посвященные актуальным проблемам своего времени и истории, активно участвует в различных общественных движениях и мероприятиях, сам зачастую являясь их инициатором. И эти его книги мне лично гораздо более близки, чем те, что посвящены его основной философской позиции. Л.Шестов с иронией отмечал, что Бердяев предан идее правды и справедливости¹¹. Сам Шестов был более последователен, оставаясь абсолютным скептиком, но это как раз не характерно для русской классической философии. И порой трудно проследить, где апофеоз беспочвенности переходит в реальной жизни в апофеоз безответственности, чтобы не сказать бессовестности.

7. Непоследовательность Бердяева проявляется и в его отношении к философии. Он полагает, что достаточно ярко выразить свои интуиции, а обоснование и доказательства – это, мол, издержки рационализма. А если интуиции, касающиеся реальной жизни в её полноте, и, главное, реальное поведение, из них следующее, исключают друг друга? Как тут обойтись без честного следования логике и поиска *объективных* критериев, и тем самым без антропологии, коренящейся в онтологии? Ни феноменология, ни экзистенциализм ответа на эти вопросы не дают. Повторяю: их можно вынести за скобки в кабине, но за его пределами требуется другая философия.

Сформулируем теперь те положения неметафизической коррелятивной онтологии (НКО)¹², на которые мы будем опираться в критике абсолютного противопоставления «падшего» мира объективности и «подлинного» мира свободы.

1. Начала той или иной конкретной области действительности изучают предметные науки (происхождение известной нам вселенной, жизни и т.д.). Вопрос о *начале бесконечного* мира не имеет смысла. Не исключено, что «большой взрыв» был осуществлен богом как суперсубъектом. Но это не тема философской онтологии. Последовательное преодоление претензий метафизики, против которых так горячо выступал Ницше, достижимо лишь на путях понимания философской онтологии как *структурной* дисциплины. Мы не можем мыслить никакой предмет нашей интенции (понятно, что термин «предмет» употребляется здесь в смысле Гуссерля, а не Хайдеггера) иначе как в рамках всеобщей категориальной структуры, выявляемой онтологией. Чтобы ответить на вопрос о её генезисе (в самом мире, а не в истории человеческого познания), потребовалась бы выскочить за эти рамки. Б. Рассел давно проанализировал парадоксальность подобной ситуации. В силу сказанного предлагаемая онтологическая концепция является *неметафизической*.

2. Для любого предмета в любом модусе существования справедлив принцип конкретности существования: существовать в качестве чего-либо значит соотноситься с чем-либо. Не существует **a** вообще, вне соотношения (коррелята) **aRx**. Этот принцип лежит в основе онтологии, которая потому и оказывается *коррелятивной*.

3. Атрибуты любого предмета (любого сущего в моей терминологии), отражаемые всеобщими категориями, также присущи и не присущи не «вообще», но всегда в определенном отношении. Спор о «первичности» устойчивости или изменения, общего или индивидуального не имеет смысла. Образно говоря, модели Платона и Хайдеггера не исключают, но дополняют друг друга при условии отказа от метафизических претензий на «изначальность» одной из них. Та или иная всеобщая характеристика может оказаться более важной опять-таки не абсолютно, но всегда в определенной ситуации (исторической, познавательной), в определенном отношении.

4. Основные философские направления объявляют первичной ту или иную форму бытия (существования): объективную реальность, субъективную реальность или реаль-

¹¹ Л. Шестов писал об этом в статье «Похвала глупости» в 1907 г. См.: <http://www.vehi.ntt/shestov/indexhtml>

¹² См.: Сагаатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основания мировоззрения) в 3-х частях. Ч.2: Онтология. СПб. 1999; его же. Бытие идеального. СПб. 2003; его же. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб. 2004; его же. Триада бытия (введение в неметафизическую коррелятивную онтологию). СПб. 2004; его же. Философские категории: авторский словарь. Ч.1. Онтология. СПб. 2011.

ность духа. С позиций НКО каждая из них представляет собой *способ существования любого сущего, определяемый типом соотношения (коррелята)*. Любое сущее относится к объективной реальности, поскольку оно определяется воздействием внешней среды (бытие-для-другого). Оно же живет в субъективной реальности, поскольку оно изнутри интерпретирует другие сущие (придает им значения) как заместители (сигналы, знаки) третьих сущих (для-себя-бытие). И оно же живет в сфере духа, поскольку задается отношением сопричастности к высшему целому, носящему непредикативный характер, не являющемуся ни объектом, ни субъектом, но «объемлющим» (К.Ясперс) индивидуальные субъективные реальности – души (бытие-в-себе). Отношения в рамках объективной реальности повторимы и детерминированы. В рамках субъективной реальности отношения (интерпретация информации) зиждятся, в конечном счете, на неповторимости исходного начала субъекта, индивидуальности, что является источником свободы и творчества. Причастность к реальности духа суть самоидентичность целого и тождественность части с целым именно как его части. Адекватными средствами для человеческого освоения объективной реальности являются наука и техника, субъективной реальности – эстетическое и нравственное отношение, для реальности духа – религиозное чувство.

5. Важно понять принципиальное отличие предлагаемой картины мира от традиционной. Во-первых, дух, души и объекты существуют не рядом друг с другом, но имманентны – в разных формах, на разном уровне развития – любому сущему. Во-вторых, человек на уровне философской онтологии не занимает привилегированного и центрального положения. Субъективность («сокровенное внутреннее вещей» по Тейяру де Шардену) должна быть понята как всеобщий атрибут, а затем уже – в философской антропологии – выявлена её человеческая специфика. Антропокосмизм (диалог и сотрудничество с миром, которому имманентна своя одухотворенность) должен придти на смену антропоцентризму, знающему только господство над миром, либо бегство от него.

Сформулированные выше предпосылки позволяют теперь перейти к критическому анализу бердяевской концепции объективации и свободы. Пренебрежение к объективной реальности, я думаю, имеет две тесно связанных стороны – аксиологическую и собственно теоретическую. В первом случае её признание противоречит определенным базовым ценностям, во втором не укладывается в определенную теоретическую схему. Бердяев отчетливо осознает свои ценностные предпочтения, что не так часто встречается среди теоретиков. «Во мне – пишет он – сравнительно слабо была выражена та основа, которую условно можно назвать натуральным язычеством. Слишком сильно у меня было чувство зла и падшести мира, слишком остро было чувство конфликта личности и мира, космического целого. Нет для меня ничего более чуждого, чем идея космической гармонии»¹³. При таком настрое падший мир неприемлем в силу господства безжалостной необходимости (так и хочется сказать «тупой»), абсолютно противоположаемой свободе и творчеству (как уходу в переживание экстаза и трансцендентную реальность духа, а не совершенствованию бытия в целом). Завышенная антропоцентристская оценка человека, как существа, чье творчество необходимо Богу, тут тоже играет не последнюю роль.

Совсем иное видим мы в аксиологии антропокосмизма. Здесь базовая ценность – это любовь к миру, к бытию в целом. Да, в мире есть зло и такая необходимость, которую стоит «поправить». Трагичность имманентна миру. Но столь же имманентны ему тенденции к добру и одухотворенность. Бежать ли от его несовершенств в виртуальную реальность, навязывать ли ему свою эгоцентрическую волю к власти или стремиться каждый поступок превращать в событие в бытии (М.Бахтин), совершенствующее и бытие и самого человека – таков аксиологический выбор. Я понимаю, что меня легко отнести по ведомству пантеизма, но, к сожалению, здесь нет возможности обсуждать эту проблему (все обстоит не так просто). Совершенствование немислимо без свободы и творчества, но разве надо их абсолютно противопоставлять природе? Не делает ли такое безлюбое по отношению к природе противопоставление саму свободу формальной и беспочвенной?

Перейдем к теоретической стороне проблемы. Прежде всего, хочу сказать о том, что я принимаю в бердяевском противопоставлении необходимости с одной стороны и свободы и творчества с другой. Никаких возражений не вызывают у меня высказывания

¹³ Бердяев Н.А. Самопознание. М., – 1991. – С.172.

такого рода: «Творческий акт человека нуждается в материи, он не может обойтись без мировой реальности... но... не может целиком определяться материалом, который дает мир, в нем есть новизна, не детерминированная извне миром ... В этом смысле творчество есть творчество из ничего... оно есть... эманация свободы... Без этого творчество было бы лишь перераспределением элементов данного мира и возникновение новизны было бы призрачным»¹⁴. Но, стало быть, важен не только сам акт творческого экстаза, но и производимое им «доопределение бытия»? Неповторимость и непредсказуемость творческого акта, создающего новое с прорывом предшествующих детерминистских цепей *sine a priori*, фундированы в своей основе неповторимостью субъективного начала и его сопричастностью к целостности духа, но этот акт невозможен и без предшествующих и наличных объективных возможностей, т.е. царства необходимости.

Можно ли совершенствовать мир, игнорируя такой способ существования как объективная реальность, понимая её лишь как ложную искусственную объективацию? Вроде бы нельзя, но здесь мы сталкиваемся с другой известной теоретической трудностью: как доказать существование независимой от нас объективности, если непосредственно нам дана только субъективность? Последнее утверждение воспринимается в господствующих ныне философских направлениях как аксиома. Нельзя ли, однако, проблематизировать и само начало субъективности?¹⁵ С позиций НКО субъективность характеризует не только человеческое познание, но любую переработку информации любой системой; она лежит в основе любой априорной информации, тех эталонов, с помощью которых интерпретируется информация, получаемая извне. Поэтому интенциональное отношение предстает как особая сторона любого взаимодействия. Можно ли считать, что полученные таким образом данные субъективности (человеческого сознания в том числе) *только* субъективны, что сфера субъективности абсолютно замкнута? Иными словами, можно ли полагать, что декартовская формула «*Cogito ergo sum*» имеет только одностороннюю направленность: от сознания к существованию.

Нетрадиционную трактовку этого положения ещё в 1915 году предложил С.Л. Франк, расставив в ней акценты с точностью до наоборот: мысль *существует*. ««*Cogito ergo sum*» – писал философ – есть ключ, с помощью которого открывается доступ к самому *бытию*. Самодостоверность сознания вместе с тем означает его неустранимость, т.е. необходимость и достоверность его как *бытия*... Если бы мы сами стояли вне бытия, если бы «сознание» означало только сферу, *противоположную* бытию, то никакой анализ и вообще никакие средства не могли бы нам раскрыть и сделать достоверным бытие»¹⁶. Но что означает существование сознания? То, что оно включено в определенное соотношение, коррелирует. С чем же соотносится любое проявление сознания? С тем предметом, на который оно направлено. Можно ли, далее, утверждать, что этот предмет полностью находится только в сфере субъективного?

Попробуем показать, что в нем обязательно присутствует объективность первого рода, а руководство результатами познания в их реализации может столкнуться с объективностью второго рода. В самом деле, объективная и субъективная реальность отличаются друг от друга тем, что объективность полагается извне, а субъективность изнутри. Следовательно, субъективное зависит от своих внутренних оснований. А объективное от субъективного не зависит. Понятно (надеюсь), что внешнее и внутреннее на категориальном уровне различаются не физическим местоположением, а принадлежностью или непринадлежностью к определенной системе. Нельзя согласиться с тем, что предмет, на который направлено сознание, полностью этим сознанием *полагается*. Ведь никакой акт сознания не имеет дело с ничто, но всегда выделяет свой предмет из определенного поля. В этом смысле любой предмет столь же «дан», сколь и «взят». В той мере и в том отношении, в которых он «дан», он принадлежит к объективной реальности. Напомним, что объективное нетождественно физическому, находящемуся вне. Любое сознание в разных отношениях и субъективно и объективно (как и любое сущее). В «излишнем (?) релятивизме» ме-

¹⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. М., – 1991. – С. 213.

¹⁵ Такой подход в развиваемой мной концепции отмечает Н.Н. Карпицкий. См. Н.Н. Карпицкий В.Н. Сагадовский. Значение философских идей // Вестник ТГПУ. Томск. 2006. Вып. 7.

¹⁶ Франк С.Л. Предмет познания. СПб. 1995. – С.58.

ня упрекали не раз, но пока что никто не возразил по существу. Независимость одних состояний сознания от других, когда последние являются предметом первых, назовем *объективностью первого рода*. Эта объективность ещё находится в рамках субъективной реальности в целом, выступая объектом только для определенного состояния сознания.

Такая независимость относительна, ибо, хотя предмет мысли и «сопротивляется» его обработке, но мы можем удалить его из поля нашего внимания и вновь вернуться к нему, повернуть его перед мысленным взором («взять») так или иначе. По-другому обстоит дело, когда мы попытаемся в наших действиях руководствоваться полученными результатами познания. Одни результаты обеспечивают успешное решение задачи, а другие не обеспечивают. И мы не можем «отвлечься» от того, к примеру, что каждый раз, как мы прикоснемся к оголенному проводу, нас будет бить током. Здесь мы принудительно наталкиваемся (что так не любил Бердяев) на *объективность второго рода*, т.е. на объективную реальность вне субъективной реальности в целом. Как её может изучать философская онтология, эта проблема уже выходит за рамки данной статьи.

Для нас достаточно четко осознать, что, если мы хотим жить в полноте бытия и совершенствоваться, доопределять его, а не бежать от него в субъективные переживания и предаваться метафизическим иллюзиям, то и картина бытия должна быть полной. Такой, где объективная, субъективная реальности и реальность духа взаимно дополняют друг друга до полноты бытия в каждом сущем и в мире, открытом нашей деятельности.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Дух и реальность: основы богочеловеческой реальности. М., – 2007.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991.
3. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М., – 1995.
4. Шестов Л. «Похвала глупости» <http://www.vehi.ntt/shestov/indexhtml>
5. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основания мировоззрения) в 3-х частях. Ч.2: Онтология. СПб. 1999;
6. Сагатовский В.Н. Бытие идеального. СПб. 2003.
7. Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб. 2004.
8. Сагатовский В.Н. Триада бытия (введение в неметафизическую коррелятивную онтологию). СПб. 2004.
9. Сагатовский В.Н. Философские категории: авторский словарь. Ч.1. Онтология. СПб. 2011.
10. Карпицкий Н.Н. Сагатовский В.Н. Значение философских идей // Вестник ТГПУ. Томск. 2006. Вып. 7.
11. Франк С.Л. Предмет познания. СПб. 1995.

BERDYAYEV'S CONCEPTION OF OBJECTIVATION FROM THE POSITION OF CORRELATIVE ONTOLOGY

V.N. SAGATOVSKY

Belgorod State Institute of Arts and Culture

e-mail: sagat@mail.ru

The core issue of the modern philosophy is the the issue of human. It does not reject the issue of correlation between subjectivity and intersubjectivity with objective reality. The separation and contraposition of them is counterproductive. The paper deals one of such contrapositions, actual up to now, in Berdyayev's philosophy, and discusses the approach to overcome such view from the position of the author's conception of nonmetaphysical correlative ontology.

Key words: objectivation, creativity, freedom, concreteness of being, objective reality, subjective reality, transcendent reality.